

Татьяна Тиховская

Фотозф



Татьяна Тиховская
Фотограф

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тиховская Т.

Фотограф / Т. Тиховская — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Париж, 1931 год. Франция на пике колониального могущества, за которым неминуемо последует спад. Чтобы доказать всему миру и себе свое величие, правительство страны организует Международную Колониальную выставку – помпезную, лицемерную и однозначно шовинистическую. Француз алжирского происхождения Ален – посредственный художник и гениальный фотограф – начинает замечать, что некоторые его модели умирают внезапной и странной смертью. Постепенно, как на позитиве, проявляется ужасная истина. И гибель во время эксперимента любимого кота – только пролог шокирующей развязки.

© Тиховская Т.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
1	7
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьяна Тиховская

ФОТОГРАФ

Пролог

Где-то истошно каркала ворона.

Тихое ясное утро обещало отличный погожий день.

Двое темнокожих работников в униформе шагали ухоженными дорожками Парижского зоопарка, спеша навести окончательный лоск перед открытием.

Парижане еще помнили, какой грандиозный успех при Наполеоне III имел их зоопарк. Просуществовал он, правда, недолго: во время осады французов пруссаками животных попросту съели. Но к открытию Международной Колониальной выставки 1931 года власти решили непременно зоопарк возродить.

Теперь это уже была не просто экспозиция экзотических животных, помещенных в клетки, а огромный парк, имитирующий естественную среду обитания для каждого вида. Даже крупных хищников ограждали не железные прутья, а рвы с водой. А копытным соорудили огромную скалу, на вершине которой устроили смотровую площадку для посетителей. Хочешь – любуйся панорамой Венсенского леса с огромной высоты, хочешь – наблюдай в бинокль за животными. Они больше не вызвали жалости, так как имели сытый холеный вид и не выглядели замученными неволей. Все, кроме одного вида. Кроме одного.

Стоит ли удивляться, что желающих попасть в зоопарк было довольно?

Собирая в контейнер мусор, оставшийся со вчерашнего дня, рабочие неспешно переговаривались:

– А наш-то своего не упустит. И так посетители валом валят, а он еще что удумал: можешь за один билет прийти в неделю два раза, но купи еще три – для дальнейших посещений. Хитер! Франки в его карман так и льются!

– А тебе что, хуже от этого? Нам с открытием выставки работы прибавилось, и денег тоже – грех жаловаться. В других странах депрессия, кризис, безработица – по крайней мере, так газеты пишут. А мы ничего, держимся.

Обитатели зоопарка уже давно проснулись. Раздавалась привычная для утра какофония звуков: фыркание, хрюкание, рев, хлопание крыльев, птичий гомон. Но в этот многократно отретпетированный хор животных нестерпимым для уха диссонансом вклинивалось воронье карканье.

– И что она не прекратит вопить? В зубы к хищнику попала, не иначе.

– В зубах уже давно умолкла бы. Может, лапа в чем-то застряла?

– Так и будет голосить, пока не околеет. Пойдем, посмотрим, что с ней. А то ее вопль душу выворачивает.

Карканье доносилось со стороны хозяйственного участка, не предназначенного для посещения и отгороженного от не в меру ретивых посетителей вежливой табличкой «Вход только для служащих».

Свернув на узенькую гравийную дорожку, рабочие дошли до небольшой лужайки с кое-каким хозяйственным инвентарем, оставшимся от строительства. Середину лужайки занимал прямоугольный участок в несколько квадратных метров, посыпанный чистеньким песочком и непосвященному кажушийся удобным пятачком для отдыха. Однако на самом деле это была яма для получения гашеной извести – неизменного компонента строительных растворов.

Вблизи на низкой ветке липы сидела та самая горластая ворона. Увидев людей, она тяжело, как бы нехотя, поднялась на крыло, сделала небольшой круг над поляной и скрылась из глаз.

Посреди участка, контрастируя черным цветом с белизной песка, валялась какая-то ветошь. Один из рабочих инстинктивно ступил на песок, чтобы подо-брать тряпье.

– Эй, приятель, назад! – Остановил его окриком товарищ. – Ты что, рехнулся?! Получишь ожег, на кассу взаимопомощи не рассчитывай!

– Ох, спасибо, дружище! Я и подумать, как следует, не успел – представил, как хозяин разъярится, увидев мусор раньше нас. А достать, однако же, надо! А то нам не поздоровится.

– Яма небольшая. Давай возьмем стремянку, перекинем ее поперек – и спокойно доберемся до тряпья. И была же кому-то нужда его сюда бросать!

Несколько минут ушло на то, чтобы поднести стремянку – благо, она была тут же на полянке – и перекинуть ее через опасный зыбун.

Первой работницы вытащили безнадежно испачканную фетровую шляпу. Она уже ни на что не годилась и отправилась в контейнер для мусора.

Затем с немалым трудом был извлечен обезображенный мужской труп.

Часть первая

1

Рука, державшая кисть, бессильно опустилась. Мазки никак не хотели ложиться так, как виделось их создателю – Алену. Ален опустился на невысокую скамеечку и еще какое-то время смотрел на холст. Нет, сегодня работа никак не ладилась. Он надел шляпу и отправился в свое любимое кафе на перекрестке улиц Рише и Тревиз.

Что такое парижское кафе начала XX века? Неизменная скатерть в красную клетку, грифельная доска для меню, теплая печь? Возможность перекусить, выпить вина, заказать горячий кофе? Да, верно. Но это далеко не все. Для привлечения клиентов хозяева кафе предоставляли возможность актерам выступать с самыми разнообразными номерами: музыкальными, цирковыми, эстрадными. Бездарные актеры, за гроши снимающие убогую комнатенку и репетирующие в неотопливаемом помещении, для выступления облачались в костюмы, расшитые перьями, мишурой и цветными стекляшками, которые в свете прожекторов казались подгулявшей публике искрящимися драгоценными камнями.

Не принято было выгонять посетителей. Зимой сюда заходили просто погреться. Кафе было пристанищем для пока еще неизвестных талантливых нищих, которых хозяин мог бесплатно покормить фирменным супчиком. Купив всего одну чашку кофе за целый день, можно было скоротать время с газетой, с альбомом и карандашом, за картами с друзьями или в компании подруги. За неимением последней здесь же подыскивали подругу на один день – или на одну ночь.

Странно ли, что в кафе находила прибежище самая разношерстная публика? Герцогини и куртизанки; повесы и министерские служащие; офицеры и репортеры; состоятельные дантисты и безвестные писатели... Многие французские интеллектуалы первых почитателей своего таланта находили именно в парижских кафе. Непризнанные поэты находили желающих послушать еще неопубликованные стихи. Безвестные писатели с неизменным «молескином»¹ писали здесь свои первые нетленники. Бедные художники проводили выставки своих работ. Зачастую за обед ценой в два франка они расплачивались собственными рисунками. Знать бы им, за сколько их работы будут уходить в частные коллекции спустя всего несколько десятков лет!

Со временем посетители объединялись по интересам. Завсегдатаи воспринимали кафе как продолжение собственной квартиры, а в результате проводили в нем больше времени, чем дома! Зато жена (если таковая имелаась) всегда знала, где можно найти своего благоверного, если тот забывал дорогу домой.

Таким образом, парижское кафе было и прибежищем от непогоды, и постоянным местом общения, и средством от одиночества.

Ален был одинок. Одинок по нескольким причинам, хотя хватило бы и одной. Очень рано он лишился матери. Она умерла молодой, успев, однако, научить Алена своему родному языку, монотонным арабским песням и непреодолимой тоске по собственной родине – Алжиру.

Ален никогда там не был. Но по рассказам матери он хорошо представлял себе и многочисленную африканскую родню, и тысячелетиями не меняющийся вид Сахары, и буквально облепленные цветами деревья и кустарники оазисов, и необъятные гроздья фиников на самой верхушке высоченных пальм.

¹ «Молескин» – среднеформатная книжка-блокнот из качественной плотной, хорошо переплетенной бумаги. Используется для записей и рисования. Отличительной особенностью блокнотов является первая страничка, куда вписывают имя владельца.

Отец Алена тоску по умершей жене решил лечить на чужбине, завербовавшись в одно из подразделений зуавов². Его ждала служба в колониях под беспощадным солнцем Африки, нечеловеческие условия жизни и непомерные порции абсента, которыми он, как и все легионеры, пытался заглушить тоску по дому. Успел ли он пожалеть о своем опрометчивом решении? Неизвестно. Его жизнь оборвала обычная для тех мест малярия.

Ален остался на попечении бабушки и дедушки. Те с самого начала не одобряли брак сына с арабкой. И внук, даже после смерти сына, не стал желанным. Поэтому, выделив ему крохотную ренту и отдав в бездетную крестьянскую семью, о нем благополучно забыли.

Любящая мать при рождении сына выбрала ему имя «Ален» – красавец. Со временем оно стало не только неуместным, но даже звучало насмешкой. У Алена был мощный, как у деда, торс, но непропорционально узкие бедра и тоненькие ножки. Это уже в отца. Он был невысокого роста, щедушный. Цвет кожи гораздо темнее, чем обычно бывает даже у арабов. Голова походила на треугольник – широкий лоб с шапкой жестких курчавых волос резко сужался к скошенному безвольному подбородку. Ален был далеко не красавец. Но с этим мужчине вполне можно бы смириться, если б не базедова болезнь.

Ни Ален, ни приемные родители не сразу догадались о недуге. Худобу мальчика, его некоторую меланхоличность объясняли тоской по родителям. Но когда у Алена непомерно выкатились глаза, стали отекать веки, сомнениям места не осталось – мальчик был неизлечимо болен. Врач приписал в течение нескольких лет пить горькую настойку из золы сожженных морских губок, ведь она содержит йод. Да, болезнь удалось приостановить, но уродство осталось навсегда.

Первую оплеуху по мужскому самолюбию Ален получил в пятнадцать лет – и урок запомнил на всю жизнь.

В их деревне кузнец сам растил дочку. За неимением сына, она частенько помогала, чем могла, отцу и со временем имела, как для девушки, недюжинную физическую силу. А вот насчет ее умственных способностей такого не скажешь. Девочка была если и не дурочкой, то, по крайней мере, до крайности наивной. Ее очень рано развившиеся женские формы, естественно, притягивали взгляды всех местных парней. Поначалу за переходящие границу дозволенного ухаживания ребята получали достаточно болезненные затрещины. Однако со временем девица сообразила, что за то богатство, которым она так мало дорожила, можно получить лишнюю ленточку, лакомство или несколько сантимов. И мало осталось деревенских парней, не обласканных местной Мессалиной. Апартаменты для приема клиентов располагались в сарайчике на сеновале, где девушка любила подремать в самое жаркое время дня.

Застенчивый Ален, наслушавшись хвастливых рассказов своих друзей об их мужских подвигах, тоже решил купить себе порцию женской ласки. За достаточно длинный период сомнений у него скопилась целая горсть мелких монет, среди которых случайно затесалась даже одна достоинством в два франка.

Однажды, зажав в потном кулаке накопленные деньги, Ален несмело приоткрыл скрипучую дверь на сеновал. Девушка спала, разморенная полуденным зноем. Ален замер, не в силах отвести взгляда от крутых бедер, обтянутых дешевым линялым ситцем.

Неизвестно, что разбудило девушку: обжигающий взгляд юноши или ползущая мошка, но она проснулась.

– Тебе чего? – спросила девушка сонным голосом.

Ален, не в силах произнести ни слова, подошел поближе и разжал ладонь с мелочью. Несколько монеток свалились на пол.

Девушка сфокусировала сонный взгляд на лице Алена, а потом принялась хохотать. Когда она выдохлась от смеха, с пренебрежением произнесла:

² Зуавы – элитные части легкой пехоты французских колониальных войск.

– Что, и ты туда же? А в зеркало не догадался на себя посмотреть? Ты же урод!

Ален опешил. Рука непроизвольно опустилась, монетки попадали на землю. Одна монетка в 2 сантима прилипла к вспотевшей ладони. Ален этого даже не заметил. Он как слепой выскочил из сарая и побежал к реке. Нет, он не собирался утопиться! Просто хотел уйти подальше от чужих глаз, чтобы никто не видел его пролившихся от жгучего стыда обильных слез.

К чести девушки следует заметить, что она никому ничего не рассказала. Возможно, не из-за излишней щепетильности, а просто потому, что для нее этот эпизод не представлял интереса. Как бы там ни было, деревенская молодежь, отнюдь не отличающаяся деликатностью, не начала дразнить Алена. Но он впервые всерьез задумался о своей внешности. Когда никто не видел, он подолгу стоял перед тусклым зеркалом, пытаясь понять, почему его отвергли. И только с этого времени Ален понял, что его внешность может вызывать у окружающих отвращение.

Вместе с этим открытием у Алена обострилось желание жениться на милой доброй девушке, завести семью, иметь много детей. Он понимал: ему необходимо, что называется, встать на ноги.

Нельзя сказать, что приемные родители плохо относились к Алену. Но он был хилым, болезненным. И выполнять обычную для крестьянина повседневную работу ему оказалось не под силу. Поэтому, достигнув совершеннолетия, Ален попрощался с приютившим его домом и отправился в Париж.

2

Париж начала XX века напоминал волчок. От центра по спирали располагались благополучные округа, заселенные состоятельными буржуа, способными заплатить немалую плату за право жить в новых красивых домах.

Неизвестно, что больше подвигло власти Франции кардинально перестроить Париж: прокатившаяся Европой эпидемия холеры или участвовавшие демократические революции. По иронии судьбы эти события произошли чуть ли не в один год. Но как бы там ни было, средневековый перенаселенный Париж со смрадными сточными канавами исчез, а появился новый Париж – образец для других европейских столиц.

С легкой руки Жоржа Османа³ на смену узким и живописным улочкам пришли широкие бульвары и площади современного города. Старые лачуги были безжалостно снесены, новые доходные дома заселили государственные служащие высоких рангов, старшие офицеры, дворянство, а осевшая гуща из бедноты теперь жалась к окраинам и пригородам, где жизнь была несравненно дешевле парижской.

Просторные радиальные улицы помогли покончить со зловонными миазмами – и с бунтарскими настроениями парижан. Единственное, с чем не справился неугомонный градостроитель – это с озеленением Парижа. Город теперь представлял собой каменный открытый короб, сплошь вымощенный булыжником, с широкой проезжей частью, но с узенькими каменными тротуарами, которые жались как можно ближе к стенам каменных же домов. Летом Париж изнывал от жары и страдал от пыли. Мостовые поливали водой из шлангов, но это давало только кратковременную передышку.

Ален покинул столицу маленьким перепуганным ребенком, а возвратился беспомощным ранимым юношей. Он был почти нищим. Вдобавок, его частенько из-за внешности принимали за чужестранца, хотя по закону он и считался французом. В конце концов, Ален снял крохотную комнатку в 20 округе – бедном районе, в основном заселенном иммигрантами.

Предусмотрительно выбрав для переселения весну, Ален имел в распоряжении довольно времени бесцельно побродить городом, прежде чем нужда заставит его подыскать себе занятие.

Молодости все интересно, а в Париже было на что посмотреть. Уж что что, а повеселиться парижане всегда любили и умели. Очень популярны были массовые гуляния, всевозможные многолюдные зрелища, где собирались все слои населения. А как мог Ален миновать Монмартр? Единственный в Париже район, освобожденный от налогов на алкоголь, притягивал к себе то, что мы привыкли называть богемой, а заодно и остальное не очень респектабельное сообщество. Вино лилось рекой: белое, красное, розовое. Ведь недаром же Франция считалась страной сплошных пьяниц! Справедливости ради стоит заметить, что многие известные художники, подвизавшиеся на этом поприще, создавали свои лучшие полотна в винном дурмане. И, кроме того, капризной изменчивой Музе иной раз помогал не только Бахус, но и Венера, богиня плотской любви и желаний.

Что греха таить: в начале XX века продажная любовь процветала во всех европейских городах, и Париж уж никак не был аутсайдером.

Бесспорно, для многих женщин торговля своим телом была скольжением по наклонной, но для некоторых счастливиц – единственным шансом обрести свое счастье. Хотя этот шанс и был ничтожным, армия жриц любви не переставала пополняться добровольцами или завербованными несчастными жертвами сутенеров и бандерш⁴. Случалось, на этот путь толкали

³ Жорж Эжен Осман – французский государственный деятель, префект департамента Сена (1853-1870), градостроитель, во многом определивший современный облик Парижа.

⁴ Бандерша – содержательница публичного дома, «менеджер» группы проституток.

девушку собственные родители, придавленные нищетой и безысходностью. Иные женщины выходили на панель, оставшись без кормильца и с детьми на руках. Выбор у таких женщин был невелик: или умереть вместе с детьми от голода и холода в сыром подвале, или хоть как-то свести концы с концами, выйдя на панель.

В те времена для парижан поход «по девочкам» не считался чем-то предосудительным. Проституцию культивировали все классы без исключения. Едва ли не каждый более или менее состоятельный мужчина содержал постоянную любовницу, при этом не отказывая себе в удовольствии провести вечер с приглянувшейся гризеткой⁵. Темпераментные партнеры и партнерши ревновали своих мужей, жен, чужих мужей, чужих жен, своих и чужих любовников и любовниц. Любовные треугольники, четырехугольники, многоугольники разыгрывались как шахматные партии.

Куртизанки «высшей пробы» появлялись даже в обществе, и в Париже смотрели на это сквозь пальцы. Французская знать в большинстве вербовала себе любовниц из числа известных балерин и актрис.

Бедные, бедные мужчины! По силам ли им было миновать бордель, если таковые были повсюду? А мужчины ведь сделаны не из камня! Любовь продавалась везде – от шикарных домов терпимости до обветшалых меблированных комнат, от кафе до матросских кабаков. Залы для танцев существовали при многих кафе и зачастую выполняли функцию витрины с выложенным товаром.

Кроме того, любая белошвейка, цветочница или горничная могла торговать любовью не постоянно, а время от времени, чтобы немного подзаработать. Арендой любовных баталей, помимо самих борделей, становились комнаты на втором этаже кофеен, собственные квартиры шлюх и даже кареты извозчиков.

Женщины более или менее легкого поведения, которые сами искали клиентов, вышагивали улицами Парижа денно и нощно. Иной раз их авансы выражались достаточно безобидными фразами: «Добрый вечер, красавчик!», «Угости даму сигареткой!». А иногда первые же слова без обиняков содержали нужную информацию: «Если бы тот господин предложил мне 20 франков, я бы пошла с ним!».

⁵ Гризетка – молодая горожанка (швея, хористка, мастерица и т. п.), не очень строго придерживающаяся нравственных правил (обычно в романах, пьесах и т. п., отражающих жизнь французов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.